

Ал. Михайлов

ЖИВЕТ В СИБИРИ ПИСАТЕЛЬ

ЛЕТ уж двадцать, поди, а то и больше, прокатило с той зимней ночи, когда Виктор Астафьев прочитал нам, нескольким литераторам, собравшимся в комнате переделкинского Дома творчества, «Пастуха и пастушку». Прочитал единым духом, не прерываясь. Забылось уже, кто тогда был среди слушателей. Помню только серую темноту глаз ныне покойной Светланы Кузнецовой, может, потому и помню, что она-то, поэт трагического предназначения таланта, словно затянутым траурной пленкой взглядом выразила силу того незабываемого впечатления, которое захватило нас всех, да слов ни у кого не находилось. И не потому, что была уже глубокая ночь. Спать не хотелось. Было что-то такое слыше слов, которые должны были прийти потом, и, согласные с этим, мы молча разошлись каждый к себе.

Уже под утро поверх одеяла на так и не разобранной кровати я все представлял себе старшину Мохнакова с его страшной тайной, видел, как он, большой, грозный, с вещмешком за плечами, загородив руками лицо и глаза и шепча какие-то последние слова, может быть, прощаясь с жизнью, ложится с гранатой под танк...

Повесть «Пастух и пастушка» тогда гуляла по московским редакциям, никто не брался ее печатать. Редакторы понимали: через цензуру не пройдет, нечего и думать, да и сами колебались, приученные победительной риторикой о войне, мол, как это так, старшина героической Красной Армии мародерствует, обшаривает пленных и

убитых немцев, воровским способом запасается золотишком, чтобы вылечиться на это золотишко от... сифилиса. Вот она — страшная тайна Мохнакова. Вот это и кое-что другое и пришлось изымать из повести, резать по живому, чтобы напечатать ее в журнале «Наш современник».

Теперь для тех, кто читал «Пастуха и пастушку», станет понятно, насколько иначе предстал бы эпизод грубых приставаний старшины к Люсе, да и образ его трагический и страшный, и весь психологический комплекс, когда эта тайна открывается читателям, открывается влюбленному в Люсю, чистому, «пасторальному» в нравственном облике лейтенанту Костяеву. Ведь повесть-то о любви. О любви возвышенной и прекрасной, возникшей неожиданно-негаданно в кровавом месиве войны как вызов всемирному смертоубийству.

В «Пастухе и пастушке» оживлен, наполнен гулом войны, движением, жестами, разговорами, присутствием не до конца растерзанной, сопротивляющейся огню и железу природы, земли и неба, солдатского скопища фронтовой окопный быт. Не батальная сторона войны больше видится автору (он и ее умеет показать на взводной и ротном плацдарме), а бытовая и, через нее прелестная, — нравственная, психологическая. Бой — это высшее напряжение всего человеческого ресурса на сравнительно коротком отрезке времени. А каков солдат перед боем и после него, чем наполнено это время — между боями, о чем говорят,

думают солдаты, чем занимаются и как общаются меж собою, как обиходят себя, как живут. Жизнь на войне показана Астафьевым многокрасочно, многолюдно и многоглаго, приметливо и переменчиво, в постоянной смене картин, эпизодов, людей, наполнена такими подробностями, столь достоверна, естественна, что взаимное истребление народов на этом фоне кажется диким и бессмысленным.

И как в обыкновенной нашей жизни — без войны и крови — над всем царит любовь. Она превыше всего. Она окрыляет человека, возносит на небесную высоту, она и испепеляет его сердце. Любовь Бориса и Люси, погубленная войною, — укор всему человечеству, ослепленному враждой, укор более внятный и доходчивый, чем закливания и лозунги борцов за мир. Погублена любовь, начало начал и продолжение здоровой, чистой, отлаженной человеческой жизни, — вот о чем говорит символическая сцена в конце повести, где женщина «с уже отцветавшими древними глазами» склонилась над могильным холмом.

Теперь вот перелистываю страницы повести и сквозь годы будто вновь слышу голос Виктора Петровича, читающего ее, вижу печаль в его взгляде, словно он сам стоит над тем могильным холмом с деревянной пирамидкой, где похоронен Борис Костяев, на том полустанке, «посреди России». Лейтенант Костяев. Его ровесник. Наш ровесник. Из нашего, выбитого поколения. Царство ему небесное...

(Окончание на 15-й стр.).